

«Мы все рвались на фронт, а как же иначе?»

Я не считаю себя героем или человеком, который внес большой вклад в победу — я был на войне только в последний год. Есть люди, которые заслуживают большого внимания, потому что воевали гораздо дольше.

Мы все рвались на войну. Сейчас это кажется странным, многие молодые люди стараются от армии увильнуть, а я тогда думал — как же я буду жить, если после войны мне кто-нибудь скажет: «А отчего же ты на войну не был?» И мне стыдно станет. Мой папа погиб на фронте в 1941 году, все мужчины нашей семьи, все мои родные воевали — как же можно было иначе?

...На фронт я попал после артиллерийского училища, в 1944 году, и в боевых действиях участвовал меньше, чем лежал в госпиталях. Меня госпитали и спасли — если бы я не был дважды ранен, я бы, наверное, не выжил, потому что хоть пробыл на войне и недолго, но в самом пекле. Я командовал взводом сорокопятки. Это небольшие пушки с узким стволом и маленьким снарядом. Они находились в пехоте, и нашей задачей было

поддерживать пехоту огнем и колесами. Когда я приехал на фронт, и начальство нам сказало, что мы пойдем воевать на сорокопятках, я был даже удивлен — зачем я столько учился в училище, если приходится воевать на лошадях, которые тянули наши орудия во время переходов? Мы-то думали, что нашим уделом станет тяжелая артиллерия. А тут — лошади. Я был городской мальчик, коней видел только на улицах, но так на них и провоевал до конца войны. Привык, научился ездить верхом.

Надо сказать, однако, что в тяжелой артиллерии потерь было не столь много, а в сорокопятках командир взвода больше месяца не служил — убит или ранят.

В битве за Данциг — самой большой битве, которая выпала на долю Второй ударной армии, где я служил, в 1945 году, когда началось наступление, приведшее к концу войны — я не участвовал, потому что лежал с ранением в госпитале. Эта битва осталась незамеченной историками, потому что была не самой удачной. Мы победили, но так долго и тяжело брали Данциг и

несли такие потери...

После войны, уже работая в Сибирском отделении, как-то раз я сказал академику Окладникову, что всё пытаюсь найти следы моего отца и хочу поехать в главный военный архив в Подольске. Он сказал: «Поезжайте», и я приехал в Подольск. Такого в моей жизни никогда не было. Я проработал там две недели, приходил первым и уходил последним. Но ничего не нашел, материалов не сохранилось никаких. Погибла вся армия, в которой воевал мой отец, штаб, командующие — но материалы не было.

И тут меня осенило, я спросил, нет ли у них материалов по Второй ударной армии, которой когда-то командовал генерал Власов. Эта армия на Волховском фронте в 1942 году пыталась прорвать блокаду Ленинграда, однако вся полегла, Власова взяли в плен, а потом была сформирована новая Вторая ударная, которой командовал И.И. Федюнинский, и как раз в неё я и попал.

Я с такой страстью работал, нашел все документы вплоть до зачисления меня на военный паек, схемы артиллерийских позиций,

которые сам и рисовал. Таким образом, я собрал материал не только о тех событиях, в которых сам принимал участие, но и нашел информацию о том времени, когда лежал в госпитале. Я узнал судьбу некоторых людей, в том числе моего преемника, которому я сдавал командование, когда меня увозили с ранением. Он, помню, на фронте учил меня уму-разуму — я был молоденький офицерик, лез во все дырки. И вот я нашел материалы и выяснил, что тот человек погиб.

Тогда я понял, какими усилиями брали Данциг. Почти два месяца, четыре раза Рокоссовский отдавал приказ: «Взять город!» И я написал об этом статью.

Хочется сказать относительно темы зверств нашей армии в Германии, которую ныне некоторые активно мушсируют. Могу сказать за себя — я лично их не совершал, не совершал и мой взвод. Случалось, наверное, кое-что, но тут я готов заступиться за Красную Армию — массовым это не было.

В.Л. Соскин, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, д.и.н., профессор НГУ

Гвардии сержант в 16 лет

Неясно, куда бы меня завела уличная компания. Когда после войны я приехал в родные места повидать друзей, то многих не встретил — они отбывали разные сроки. По-видимому, что-то стало известно отцу. Он организовал приём двух моих друзей и меня в радиошколу, где готовили радиотелеграфистов для работы в частях авиации дальнего действия. В 1943 году нам было по 14 лет, но уговаривать идти в армию нас было не нужно. Лозунг «Чем ты помог фронту?» действовал и на подростков. Оба моих друга были по национальности немцами. Вилли Звезднов жил с матерью. Отец Володи Фукса был управляющим в соседнем доме. Родители не были против того, чтобы дети воевали против Германии. Потом в армии никто не упрекнул их за то, что они немцы.

Усваивать морзянку, азы приёма и передачи было нетрудно. Странновато было только ночью стоять на посту, особенно первый раз, хоть и с винтовкой с примкнутым штыком. За полтора месяца мы стали радиотелеграфистами третьего класса. Класс телеграфиста измерялся скоростью передачи и приёма различных текстов, буквенных и цифровых. После школы я стал наземным радистом в 11-м отдельном батальоне аэродромного обслуживания 1-го гвардейского корпуса Авиации дальнего действия (11-й БАО 1-го ГАК АДД), которая бомбила глубокие тылы противника (Берлин, в частности) и подчинялась непосредственно Верховному Главнокомандующему. Ближе чем на 100 километров от линии фронта части АДД никогда не располагались. Непосредственно рисковали жизнью только экипажи, совершавшие боевые вылеты. Для всех остальных, обслуживавших эти вылеты, ежедневная деятельность была привычной работой, хоть и нелегкой. Правда, когда узел связи располагался в населенных пунктах Западной Украины, приходилось ходить с оружием. Были случаи, когда по нашим военным стреляли. Просвистела однажды пуля и мимо моей головы. Услышал потом только звук выстрела. Стрелявший сразу убежал.

Работа радиста на радиоузле заключалась главным образом в приёме сообщений от самолётов во время боевых вылетов. Для надёжности связи было три звена: полк, дивизия и корпус. Наш корпусной узел контролировал остальные. Радиостанции самолетов были маломощными, слышимость плохая, поэтому перепроверка была необходима. Переговоры велись по кодовым таблицам, коды постоянно менялись, часто составлялись неудачно, и получалось, например, что 54 (пять точек, четыре точки и тире) означало «Иду на вынужденную посадку», а 55 (пять точек, пять точек) — «Отбомбился по цели». А стрелок-радист бомбардировщика из-за холода и тесноты вполне мог затянуть точку или, наоборот, укоротить тире. Боевые вылеты были ночными. Сначала вечером по маршруту летел разведчик. Он сообщал о погоде на маршруте, о зенитном огне, истребителях. Слух у меня в 15 лет был хороший, поэтому слушать разведчика часто сажали меня. Запомнилось, как однажды, кроме закодированного сообщения радист

разведчика передал открытым текстом: «Город в огне!». Это было в конце 1944 года, бомбили Хельсинки. Через несколько дней появилось сообщение о капитуляции Финляндии.

Основная трудность состояла в том, что работать надо было ночью и долго. Часто экипажам приказывалось выходить на связь только после выполнения задания, но радисты на земле всё равно слушали: мог быть сигнал SOS или важное сообщение. Слушать несколько часов «пустой эфир» было тяжело. Когда начиналась работа, самолёты выходили на связь один за другим и едва хватало времени записывать сообщения, становилось легче. Плохо, если не все самолёты выходили на связь. Тогда на земле продолжали слушать, пока оставалась хоть какая-то надежда, и пока не было приказа выключить приёмники. Однажды мы так и не услышали экипаж, в котором был муж нашей радистки. До сих пор помню, как она рыдала.

При работе с самолётами нужно было хорошо слышать и разбирать плохую морзянку. А для работы в штабном радиоузле, который обеспечивал связь корпуса с Москвой и куда меня перевели, нужны были скорость и качество приёма и передачи. Сообщения с грифом ОВ (особо важные) и «Воздух» (вне всякой очереди) нужно было принимать и передавать быстро и без ошибок. У шифровальщиков не должно было быть претензий. Ошибки и промедления могли привести к серьёзным последствиям.

Начиная со второй половины 1943 года наши войска неуклонно продвигались на Запад, и части авиации дальнего действия постоянно перебазировались. После курсов в Монино были Малоярославец, Выпозово (между Москвой и Ленинградом), Чернигов, Киев, Проскуров, Гречаны, Луцк, Белосток. Наш радиоузел обычно оборонялся в каком-нибудь здании на окраине города или большого села. Переезд из Монино через Москву в Малоярославец особенно запомнился: противотанковые ежи на окраинах Москвы, всюду темно и пусто, в небе — аэростаты заграждения. Потом вдоль дороги иссечённый пулемётными очередями и осколками снарядов лес. Тяжёлое зрелище.

Некоторое время я в звании младшего сержанта даже был командиром приёмной машины РАТ-300 (это станция, состоящая из трёх машин: приёмной, передающей и силовой). Подчинённых у меня не было. Запомнилось, как по неопытности, когда надо было заряжать аккумуляторы, я отсоединил от них все провода, а потом не знал, что куда присоединять. Пришлось звать на помощь. Кстати, благодаря этому и многим другим случаям, связанным с техникой, я хорошо понял, как важно много знать и уметь. Я видел, как уважали людей, которые знают и могут, и не уважают незнаек и неумех. Оценил я и роль образования: оказалось, что шесть моих городских классов (причём довольно обыкновенных) позволяли легко усваивать то, что сельским ребятам давалось с трудом. Когда после войны я демобилизовался, колебаний по поводу дальнейшей учёбы у меня не было.

До сих пор у меня сохранились самые хорошие воспоминания о людях, с которыми служил и работал. В радиороте и на многих узлах связи было много женщин. Ко мне, подростку, они относились особенно тепло. Небольшая разница в возрасте с ребятами из приланного пополнения компенсировалась моей квалификацией, и мы были на равных. Отношение старших характеризует такой эпизод. Мне, как и всем курсантам в радиошколе, полагалась месячная норма махорки. Чтобы я не начал курить, сержант отобрал у меня махорку, хотя сам он не курил, и никакой корысти у него не было. Вообще, вне службы товарищеские уважительные взаимоотношения были нормой. Серьёзные нарушения дисциплины тоже случались редко. Одно из таких нарушений, связанное с празднованием годовщины Октябрьской революции в 1944 году, могло мне дорого обойтись. Спасло то, что я заблаговременно поставил подальше автомат, а нож был закреплён в ножнах и не вытаскивался сразу. Один из участников празднования был отправлен в штрафной батальон. Армия есть армия, и многие страницы «Похождений бравого солдата Швейка» я хорошо понимаю.

Последние месяцы своей военной службы я был уже гвардии сержантом и стрелком-радистом на самолёте СИ-47 («Дуглас»). На нём летала группа старших офицеров, инспектировавших части АДД, которые дислоцировались тогда на аэродромах различных польских городов: Белостока, Варшавы, Жешува, Кракова. Вид с воздуха разрушенной Варшавы до сих пор перед глазами. Однажды встретили группу возвращавшихся с бомбёжки «Юнкерсов». Офицеры встали к легким пулемётам, которыми был вооружён наш транспортный самолёт, но «Юнкерсы» атаковать нас не стали. В случае боя мы были бы просто хорошей мишенью.

День Победы 9 мая 1945 года я встретил в Польше, в Белостоке, причём в расположении своей родной роты, которая, как оказалось, недавно туда перебазировалась. Остался ночевать в казарме. Все уже крепко спали, когда вдруг раздался крик, стрельба: по радио передали сообщение о капитуляции Германии. Мы выскочили на улицу и тоже стали кричать «Ура!» и стрелять из всего, что у кого было. Оглушительная пальба поднялась на аэродроме, где в ход пошли скорострельные авиационные пушки и пулемёты. Потом выяснилось, что мы страшно перепугали местных жителей: капитуляция была подписана 8 мая, и западное радио об этом уже давно сообщило.

Много ярких впечатлений оставил мой последний полёт в качестве борт-радиста. В 1945 году полёт по маршруту «Москва — Комсомольск-на-Амуре — Владивосток» был непростым делом. От экипажа потребовались выдержка и квалификация. На борту по-прежнему была лётная инспекция, но теперь она летела не на запад, а на восток: проверять боевую готовность частей авиации дальнего действия, перебазировавшихся на дальневосточные аэродромы. Война с Германией была окончена, но ожидалась война с Японией. На восток непрерывным потоком шли эшелоны с войсками и техникой. Перелёт от

Москвы до Комсомольска на Амуре занял у нас трое суток с посадками на ночь в Свердловске, Чите и Хабаровске. По дороге «туда» всё было нормально. Серьёзные неприятности случились при возвращении из Владивостока в Москву. Над Амуром попали в сильную грозу. Снизилась, насколько могли. Справа — сопки, слева — граница и возможные зенитки, внизу — вода, сверху — гроза. Видимость нулевая. Как впереди — неясно. Связи нет, радию пришлось выключить из-за разрядов: искра проскакивала даже при выключенном рубильнике. К тому же сильно болтало. Но наш командир капитан Васильев был настоящим асом, и всё кончилось благополучно.

Кроме полёта в грозу над Амуром запомнилось ещё, как я минут 15 сидел за штурвалом. Самолёт шёл на автопилоте, и надо было только выравнивать по облакам крен. Делал я это, конечно, неумело, и то одно крыло шло вниз, то другое. Офицеры в фюзеляже должны были всё время держаться за ремни, и меня быстро вернули к рации. Но почувствовать себя пилотом было очень приятно.

Ещё одно яркое воспоминание. Мы подлетали к Москве в ясный, солнечный день. Шли на высоте 3—4 километра. И вначале увидели огромную грязно-жёлто-зелёную шапку дыма. Только потом начали проступать здания столицы. Во время войны было не до экологии.

О гремевшем на всю страну городе Комсомольске-на-Амуре остались грустные воспоминания. Посёлок Дзёмги, где был аэродром, с хорошими домами и парком, от города отделял большой пустырь. Пока инспекция работала, наш экипаж отдыхал. Мы отравились посмотреть знаменитый город. Пройдя пустырь, долго шли между бараками, недоумевая, куда же он делся. Наконец, увидели солидное здание. Решили, что начался город, а здание — театр, почему-то построенный на окраине. Но оказалось, что мы в центре, а солидное здание — баня. Город состоял в основном из бараков.

В действующей армии к концу войны редко у кого (особенно в авиации) на гимнастёрке или кителе не было медалей или орденов. Если их было много, то говорили «целый иконостас». Такой иконостас украшал грудь нашего командира. Даже у меня имелись две медали: «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». Когда экипаж шёл по улице, то на нас смотрели с большим уважением: у служивших на Востоке наград не было.

В августе 1945 года меня демобилизовали. Когда я, как положено, пришёл в военкомат с красноармейской книжкой, чтобы встать на учёт, то военком долго не мог решить, что со мной делать: с одной стороны — гвардии сержант, а с другой — 16 лет, допризывник. Наконец, он отдал мне книжку и сказал: «Иди». Я так и держал её вместе с другими документами дома. Из-за этого по окончании университета пострадал в звании: всех, кто служил в армии, сделали лейтенантами, а тех, кто не служил, и меня — младшими лейтенантами.

Л.Я. Савельев, старший научный сотрудник Института математики им. С.Л. Соболева СО РАН, к.ф.-м.н., профессор НГУ